

Здравствуйте, дорогие!

Сурдаць 19²⁰/_{IV} 28 (с. 44) 29

Как и обещал вам в предыдущем письме, пишу письмо сегодня. За эти дни, прошедшие с 6²⁰/_{IV}, я получил от вас посылку и денежный перевод.

Маму с посылки: пиджак цветастый, и рубашка голубая. Но что мне больше всего пришлось по сердцу, что ценой гоним меня, как некий плач из другого мира, где люди ежедневно носят пиджаки и рубашки с воротничками и не считают это чем-то из ряда вон выходящим, — так это галетух. Вы смеетесь? Вы удивлены? Наизясно. Дело ведь в том, что я не чувствую необходимости ежедневно одеваться, как к выходу; именно необходимость — потому что потребность есть (я конечно, обеспечиваю в стороне вопрос о наших всяких "грачиных перьях" и "смокингсах": ясно, что если бы их у меня были, десяток, то никакого "ай-я-эй" я к ним не чувствовал бы.) И вот, разглядев посылку, я немедленно нарядил рубашку, галетух и пиджак, посмотрел в зеркало — и расстроился. Почему, — вы уже верно, понимаете: помню, как я, сидя в кресле, разговаривая с родителями, "куда-то" предвзвешенно упоминал упомянутую "процедуру" и приняв благообразный вид... Так вот это и вспомнилось.

Вот почему я аккуратно сложил все цитингалы, завернул их и засунул в корзину: сохраню их для другого времени, а сейчас поточей, просто так. Но, дорогие мои, тебе еще огромное спасибо за эти вещи, а еще большее — за внимание и заботу.

Тебе, мама, нравилось думать: где не в мажорках, а в голубых, чьи руки их шили. Именно поэтому было так хорошо получил эти беленькие цитингалы из дому. Да, кстати, раз заговорил уже о всяких хозяйственных вещах: забыл вам написать что, во-первых, я имею галочки, а во-вторых — валенки (конечно, использую их буду только в следующую зиму). И то, и другое подарок от товарища. Как видите, я еще не окончательно победил способность крабизоваться, а, главное, помучать подарки. —

Еще спасибо — за деньги. Вы понимаете, конечно, что вашими крохами мы опоздали. Вы могли

только обрадовать меня, - кардвий мимий день в этом отношении - мой чистая сирень. Говорю серьезно. — (Вспомню 1-е письмо 3-го)

Ну, а теперь присоединяю (боже! как поздно!) свой голос к хору родственных голосов, поздравляя ишь Мурку с знаменательным днем: с рождением маленькой Мурки (впрочем, вернее - маленькой Мурки-лиш). Искренно и расстроено поздравляю его, Лю и вас. Ох, хорошо что телятник, а не телятница: я могу себя чувствовать серьезным дядей. Как-то же, телятник тут, телятница там, - вот и целый род, обязанный смотреть на меня с уважением как на своего законного дядю. А потом, предлогом моей особой гордости являясь та особенное в рождении этого телятника, который погна без телятницы: "за прелесть земли, в шидельском черешве..." Вообще же, я мог бы, конечно, воспользоваться удобным случаем и процезь строить теорию, практическую волюсы брака и деторождения с несколькими точек зрения: личной, общественной, их взаимодействии и др. ...

Уже увы! теория эта несколько запоздана-бы: дяде уже родилось, и курдаеся не в теории, а в практике - такая печальная судьба многих теорий: они умирают тогда, когда дяде уже кричит, суча пофкалим и предъявляя свой входной билет на жизнь. Посему - воздержуеся и ограничуеся поздравлением, - а "его-уже и монаси приелимт".

Вот уже больше 3± недель, как я ленгаичаю и ничего решительного не делаю. Сказываеся переход к весне. Но я все страшиваю: что это за переход, ереш 20-го ацеля лефит еще ежел, сверху капаея пошесь мерзости с радостью, а внизу чавкаея урды? Какая это к гортовой извиняеся, мази весна? Столкнуеся на дружелюбие над камендераи и метеорологией. Однако это сказалося на черни: решительно не могу прийязея в определенн решене за занаятия. Но с другой стороны, и не гонюея во что-бы, го ни стало впичиваея в себя печальные страхи: не идет - так и пучея не идет, воображая себя в месячном отпуске и "покейфудеи".

Как ни "страшен" этот термин в применении ко мне.

Получено что получили письмо от Филии и осальных, и в письме - Рахуевкина карточка. Как она прекрасно вышла! Неудивительно можно ее очень похвалить на цыганское, и эти мимые мажеры ароматизаю в самую мучу. Любвеобильной дядюшкой души. Странно рад этой фотографией и буду писаю Филие об этой моей радости и благодарности ему. Теперь еще яеяе видно, что маза и нос Рахуевки - от мази, губы - от отиза, а вея она - милая девочка и прекрасный сорванец. Дороже мой, я и в прошлом письме страшиваю как у вас обстоят дело с визами, и с воцосом о переезде в целом. Приближаеся весна... Я понимаю, что вам не слишком приятно обещаея эту дилу, да и мне не слишком радостно ее кардвий раз будироваея. Но я хочу, наконец, фельшазе из ваших уст: действительно-ли дело в заперуднении визированаея? А если да, то можно-ли десигуея, что этой весной ~~я~~ выеде, наконец, получить свое решение? Филие, дороже мой, не руководствуйтеся шавилом, в других случаях очень худеяем: "тыма довокис исган нам дороже-нае возвышающит обман". Мерзду прочим, знаея к какому выводу я пришел по совершенно иному воцосу, о моем отношении к сучам? А вот к какому: я замечаю, что мне не удаеся в общем запоминание целых строк, но зато есея очень много отдельных строк из разных погов, которые почему-то намши дорою к моему внуриемелу "я" и крепко мне запомниши. Вот каки-мел, почему мне так горько-умязея отрывок из Пушкинскто "Воспоминания":

"И с отбращением вспоминаю друзей своих
Я прелещу и цокимнаю,
И горько трачуеся, и горько слезы лью, -
Но строк печальных не сливаю"...

Чудно, в общем. Но не так интересно, чтобы реше-сываеся цимши димно и подробно. Недевно видя в газете снимок кусочка одесского порта. Словом - люди без пальто ходят. Правда?

Ах, Одесса - мама! И как - же я ее люблю эту самую точную шумливую обманчивую! Никакой город не ранил меня так сильно, как Одесса, - а ведь городов я перевидал некоторую толщину. Теперь, когда меня спрашивают: "вы откуда?" - я инстинктивно отвечаю: "из Одессы"..., и вспоминаю тихого Герона. А сейчас по всем своим сердечным именам и сведениям еще одна, - если бы я был начальником, я сказал бы: "капитан не переполнил моря".

Простите великодушно, дорогие мои, за мое безалаберное письмо: не всегда - же быть научной и даже разрывные письма. Нет - нет, а упрямство. Вам - же, я полагаю, важнее не "продуктивная конкуренция" а чистое изображение "человеческого" состояния. Будьте здоровы и богаты. Привет всем родным. Жду вашего известия о маме.

Крепко целую вас
Ваш Вольф

Р. В. Ну, забавно: целую неделю я был страшно занят: переименовывал свои "примитивные" дропки (длинненькие). Но вам говорить? Конечно! Вы бы никогда не поверили, что примитивные серые дропки хорошей мажерики снуды (переименованы!) иголкой, вручную - и без руководства с чьей-бы то ни было стороны! Словом, я их тоже отмокнул "до лучших времен" - они будут в качестве "вечернего, выходного костюма". Лева просит сообщить, что он чувствует себя физически удовлетворительно. Нервы его резко и быстро поправились после приезда Дди. Если бы уже установилась погода, он думает, было бы во всех отношениях хорошо. Узнает он совсем мало, чтобы даже отдохнуть голове и нервам от этой зимы. Бездельничая целый день, и больше частью валяясь в кровати. Просит он вас отведать ему подробно и откровенно на его счет о делах. Безногом его ваше здоровье. Погода теперь такая удивительная. Гринкы, как гринды, после дождя. Мире передайте поздравления и пожелание быть более счастливым огулом, чем Лева. Особливо, ведь, и молюсь само. Целует вас обоих и кланяется. За день благодарит отдельно."

Все. Будьте здоровы, еще раз целую вас
В.